

Марк Харитонов

Один автор в двух журналах

Александр Мелихов. Воскрешение Лилит. (Нева, 2015, № 4)

В апрельских номерах сразу двух питерских журналов мое внимание привлекли эссе Александра Мелихова. Впрочем, отнести оба текста к одному жанру, пожалуй, не совсем точно. Блистательный этюд «Воскрешение Лилит» в «Неве» № 4, воображаемый монолог Лили Брик, можно представить произнесенным со сцены — и как эффектно бы он прозвучал! Тут надо непременно цитировать:

«Я всегда любила жизнь, а потому терпеть не могла стихи... Потом-то я прослыла тонким ценителем поэзии, но разбиралась я не в стихах — я разбиралась в людях: я сразу понимала, вокруг чего они поднимут кудахтанье. Я любила восхищение, и раз уж стихами почему-то восхищались, я должна была их тоже вплести в свой венец».

Имя Лили Брик в самом тексте не называется, как и имя Владимира Маяковского, но о ком идет речь, для всякого, кто знаком не только со стихами и хрестоматийной биографией поэта, но и с обстоятельствами его личной жизни, все узнается с первых же строк. Мелихов, думается, особенно внимательно проштудировал вышедшую не так давно книгу шведа Бенгта Янгфельда «Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг». Там действительно обо всем: о времени и о поэзии, об окружении поэта, о сексуальных отношениях в этом самом кругу, о пресловутом «браке втроем» Маяковского с Бриками — все в подробностях, обстоятельно, откровенно, без застенчивых умолчаний. Мне долгое время казалось, что стихи поэта можно воспринимать отдельно от необязательных биографических сведений. «Я — поэт. Этим и интересен», — настаивал сам Маяковский. Нет, обстоятельства личной жизни позволяют многое в его стихах, в творческой судьбе понять глубже, точнее, объемней. И особенно, что говорить, в жизни любовной — уж эта тема для его поэзии первостепенно важна.

Ведущая рассказ женщина не считает нужным притворяться, говорить о какой-то своей любви к Маяковскому — она поэтом в буквальном смысле пользовалась и довольно откровенно его презирала. «Да как можно кончить с теми, у кого вместо спермы сопли, а вместо крови слезы?.. “Я сижу в кафэ и реву, надо мной смеются продавщицы, любил, люблю и буду любить, будешь ты груба со мной или ласкова, моя или чужая” — да как же можно не презирать такого слюнтяя?.. Фальшивый богоборец, который никак не мог простить Богу, что его нет, этот дрожащий от ужаса перед жизнью, старостью, инфекциями, даже порчами, сглазом полководец без армии, если не считать армии слов, слов, слов, припадающий к толпе, чтобы зарядиться ее силой, и рыдающий, когда толпа не желала его слушать, предпочитая оставаться безъязыкой, — даже он до какой-то степени все-таки был мужчиной. С содранной кожей. И я оказалась единственным его обезболивающим, оттого он на меня, как теперь выражаются, и подсел. Я была не любимой его женщиной, а любимой таблеткой, это была не великая любовь, а великая наркотическая ломка, не жажда любви, а жажда новой дозы. Ну, так за каждую дозу надо платить. У нас с ним была своя такса, о которой мы никогда не говорили, но оба прекрасно понимали, что почем. За слово “люблю” одна цена, за виляние хвостиком другая... И он был не просто согласен — он был счастлив до

небес, когда я давала ему возможность пожить еще немножко, не корчась от боли, — разве это не справедливая цена? Я дарила ему жизнь, а он мне всего лишь удовольствия — теплую ванну, чистую удобную постель, какальную бумажку, ну и, само собой, для шика “автомобильчик”, “фордик”...”

Блистательно, не правда ли? Цитат, может, уже многовато, но, право, нельзя удержаться — и разве не хочется читать дальше?

«Он же был вампир, он всегда должен был питаться кровью тех, кто умеет радоваться жизни... А он замахивался на амикошонство со вселенной, с мирозданием. Будем хвосты на боа отрубать у комет! Солнце приколем любимым на платье! Эй вы, небо, снимите шляпу! А небо открывало ему, что он неизмеримо крошечнее блохи, меньше пылинки, мизернее бактерии. Его должен был привязать к кометам, как к хвостам лошадиным, вздернуть, Млечный Путь перекинув виселицей, самолично Всевышний. Но он же не мог не понимать, что под этой звездной молочной рекой его было бы не разглядеть ни в один сверхмощный телескоп. Терзаемый своей мизерностью в небесах, он пытался раздуться на земле, гремел, хамил, и все равно, стоило любому издательскому клерку отправить его в общую очередь, он прямо-таки выл от отчаяния: я больше не могу-у-у!..»

Нет смысла здесь обсуждать, насколько справедливы в этой прозе оценки, данные участницей событий, насколько достоверны ее воспоминания. Но ведь как написано, как сказано! Какая напряженная интонация, какой живой голос! Возникают многомерные образы персонажей — назвать ли эссеистикой эмоциональный, очень женский монолог героини?

Александр Мелихов. Вынырнувшие из тумана. (Звезда, 2015, № 4)

А вот «Вынырнувшие из тумана» того же Александра Мелихова в № 4 «Звезда», несомненно, к этому жанру относятся. Речь здесь идет о незамеченных современниках, непрочитанных писателях, которым воздают должное уже после смерти. Один из таких авторов — Ханс Ханни Янн, заново открытый не так давно не только для нашего, но и для немецкого читателя. Мелихов пишет о его только что вышедшем по-русски романе «Деревянный корабль» — со страниц книги вместе с кораблем словно бы вынырнуло из тумана неизвестное прежде имя. О Янне в Германии, да и в других странах теперь пишут как о «последней из великих фигур... которые когда-то создавали современную немецкую литературу».

Это тема во многом близка мне, я в разных текстах касался ее (эссе о Фернандо Пессоа, о наших замолчанных, замученных авторах), последний раз в очерке «Возможность гения»¹, известном читателям «Знамени». Речь в нем шла о книге никому не известного прежде Леонида Цыпкина «Лето в Бадене», которую открыла для западного, а там и для русского читателя американка Сьюзен Зонтаг. В «Звезде» Мелихов особенно подробно рецензирует книгу Олега Юрьева «Писатель как сотоварищ по выживанию. Статьи, эссе и очерки о литературе и не только» (СПб., 2014). Если воспользоваться оксюмороном самого Юрьева, это книга о «великой несуществующей литературе XX века». Известный поэт, прозаик, эссеист поставил перед собой задачу вернуть в литературный обиход забытые, несправедливо незамеченные при жизни имена. «Любые разговоры в пользу тех, кто обойден посмертной известностью, не могут не трогать, — пишет о его книге Мелихов. — А Олег Юрьев еще и обладает отличным слогом, эрудицией и умом, и оттого его интересно и приятно читать, о чем бы он ни писал».

«Хотя, — тут же оговаривается автор, — увы, довольно часто он оказывается интереснее тех, кого вывел из тумана». В подтверждение Мелихов цитирует стихи Чурилина и Нельдихена, приведенные в книге и удостоившиеся от Юрьева самых высоких слов — трудно понять, почему. Мне тоже приходится повторить это «увы», соглашаясь с автором. И не только по этому поводу.

Уже и раньше мне случалось отмечать сомнительность иных суждений и оценок Олега Юрьева. Беда не только в том, что он бывает готов воспевать авторов, достоинства которых не подтверждаются цитируемыми текстами. Хуже, когда он ревниво делает это за счет снижения других, добившихся при жизни успеха. Несколько лет назад мне на глаза попала статья, где Юрьев допустил малодостойный выпад по адресу Давида Самойлова. Он там написал о чувстве «человеческого отвращения», которое вызвало у него чтение дневников Самойлова, мемуаров и особенно «историософской прозы». И следом добавил, что со временем это чувство перенеслось на его стихи. «Второстепенный поэт эпохи Ривина», — безапелляционно утверждает Юрьев.

Кто такой Ривин? — не мог не заинтересоваться я. Нашел это имя в Интернете. Погибший в 1941 году автор единственного стихотворения о войне, обнаруженного Юрьевым в каком-то славистском издании и восторженно им прокомментированного. Нет смысла обсуждать здесь достоинства этого стихотворения, противопоставление его всему творчеству Давида Самойлова. Речь сейчас вообще не о Юрьеве.

Мне в этих заметках захотелось воздать должное двум новым, не похожим одна на другую работам Александра Мелихова, человека, за которым я давно внимательно слежу и который с годами становится все продуктивней и все для меня интересней.